

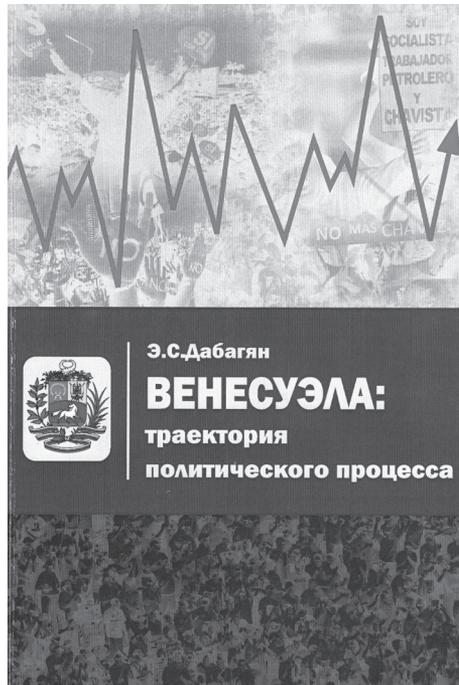
ЗБИГНЕВ ИВАНОВСКИЙ

Венесуэла: от представительной демократии к «социализму XXI века»

Приход к власти Уго Чавеса, занявшего президентское кресло в феврале 1999 года, завершил период Четвертой Республики в Венесуэле и привел к смене модели экономического и политического развития. Проводимые в стране глубокие реформы привлекают к себе пристальное внимание в отечественной и зарубежной латиноамериканистике и служат поводом для острых дискуссий как в политическом социуме, так и в научном сообществе. В связи с этим внимание читателя, интересующегося проблемами альтернативных путей общественного развития, нового авторитаризма и судеб демократии в регионе и современном мире в целом, не может не привлечь новая работа Э. С. Дабагяна, ветерана Института Латинской Америки РАН, известного ученого и публициста, который более полувека пристально следит за развитием событий в Венесуэле.

Э. С. Дабагян. Венесуэла: траектория политического процесса.

М., «Аванглион Принт», 2011. 264 с.

Выводы, сделанные автором, в очередной раз подтверждают, что, несмотря на объективные факторы, вызывающие те или иные глубокие социальные преобразования, неизгладимый отпечаток на развитие событий налагает личность политического лидера (а уж в латиноамериканской истории и подавно). Опираясь на многочисленные публикации и воспоминания очевидцев, Э. С. Дабагян раскрывает истоки убеждений венесуэльского президента: это его увлеченность личностью и идеалами Симона Боливара, контакты с политиками левого и ультралевого толка,

симпатии к левонационалистическому перуанскому военному правительству Х. Веласко Альварадо (1968—1975) в молодости и к режиму Ф. Кастро в зрелые годы, а также личная дружба с лидером Кубинской революции.

В исследовании отмечается, что Уго Чавес — харизматическая личность: природа

ИВАНОВСКИЙ Збигнев Владиславович — руководитель группы политической конъюнктуры Института Латинской Америки РАН, профессор факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук.

наделила президента организаторскими талантами, способностью убеждать людей в своей правоте; его отличают образная речь, широта кругозора и эрудиция, умение цитировать по памяти произведения из сокровищницы мировой культуры и находить общий язык с самыми различными категориями населения. Одновременно он — прагматичный романтик; смесь страсти и расчета; сложная личность — трудно предсказуемый политик, склонный к нестандартным и неожиданным решениям, работающий на опережение, ставящий в тупик своих противников. Впечатляют динамизм и мгновенная реакция У. Чавеса на события, происходящие в стране и за рубежом. В арсенале у президента — огромное число популистских методов и приемов, рассчитанных на мгновенный демонстрационный эффект и немедленный положительный отклик масс. Часто венесуэльский президент не стесняется в выражениях, а его неллицеприятные выпады против известных политических деятелей нередко приводили к дипломатическим скандалам (см. С. 9, 239, 242—243, 250).

В работе, структурированной по хронологическому принципу, приводится множество любопытных и неизвестных широкому читателю фактов. Вводная глава показывает причины кризиса Четвертой Республики (1958—1989), установленной после падения диктатуры Маркоса Переса Хименеса и завершившейся с приходом к власти нынешнего президента. Благодаря историческому экскурсу читателю удается понять, как и почему исчерпала себя система представительной демократии, характеризовавшаяся четким разделением властей, системой сдержек и противовесов, регулярной сменяемостью власти и запретом на непосредственное переизбрание главы государства, стабильной, вошедшей в учебники политологии двухпартийной системой западного образца. Нельзя не согласиться с автором, отмечая, что, при практически безукоризненном функционировании демократических институтов, стали очевидными дефекты системы, игнорировавшей интересы жителей маргинальных кварталов, чрезмерное развитие бюрократического аппарата, безудержную коррупцию, сра-

щивание партийных и профсоюзных бонз. В условиях резкого падения мировых цен на нефть и снижения долларовых поступлений отчаянное сопротивление «верхов» и «низов» встретило стремление перейти на рельсы открытой рыночной экономики по нелиберальным рецептам (см. С. 16).

Сложные процессы разворачивались и в недрах вооруженных сил, которые в условиях кажущейся аполитичности отнюдь не были монолитными. В работе достаточно подробно описаны становление Революционного боливарианского движения, трансформировавшегося в Движение Пятая Республика; неудавшийся военный переворот, организованный У. Чавесом в феврале 1992 года; тюремное заключение и амнистия мятежного лидера; наконец, его избрание на пост президента. Важно отметить, что в тот период большинство граждан продемонстрировали приверженность демократическим процедурам: по проведенным соцопросам, 65—75 процентов респондентов выступили за поиск легитимных вариантов выхода их кризиса и только от трети до четверти одобряли силовые методы (см. С. 22, 32).

Неоднозначная оценка дается перестройке институциональной системы после принятия Конституции 1999 года, заложившей основы нынешней социально-экономической и политической модели. Возражение автора вызывает придание чрезвычайных полномочий Национальной конституционной ассамблее, в задачи которой входило не только принятие конституции, но и определение контуров нарождающегося строя. Ассамблея стояла над всеми ветвями и органами власти и обладала прерогативой смещения любой из них. «Революционная целесообразность» привела к разгону Национального конгресса и объявлению «на чрезвычайном положении» законодательной и судебной власти.

Новый Основной закон резко усилил полномочия главы государства и привел к созданию гиперпрезидентской республики. Среди реформ, усиливающих дисбаланс полномочий, справедливо называется упразднение верхней палаты в федеративном государстве, продление

срока полномочий президента с пяти до шести лет и возможность его переизбрания сразу на второй срок, сохранение одного тура голосования и возможность роспуска Национальной ассамблеи, назначение президентом, а не избрание исполнителя вице-президента.

Не вызывают критических замечаний изменение названия страны, введение электоральной и гражданской (моральной) власти, избрание губернаторов, включение раздела о референдумах, позволяющих досрочно прекратить полномочия должностного лица (в том числе и президента), сохранение многопартийной системы и обеспечение внутривнутрипартийной демократии. Новый Основной закон запрещал приватизацию государственной нефтяной компании «Petróleos de Venezuela» (PDVESA) и усиливал контроль центральных органов за распределением финансовых средств. Важное значение имеет развернутое толкование безопасности нации, включающей экономические, социальные, политические, географические и культурные аспекты, а также охрану среды обитания. Конституция зафиксировала права различных категорий населения, гарантировала право на труд и отдых, бесплатное образование и медицинское обслуживание.

Проанализировав эволюцию политических взглядов У. Чавеса и его сторонников, Э. Дабагян приходит к закономерному выводу о достаточно вольной трактовке ими идейного наследия С. Боливары и о незавершенности формирования концепций «социализма XXI века». Первоначально боливарианцы ограничивались резкой критикой существовавшей в то время системы, сразу после прихода к власти они декларировали своего рода третий путь, отличный как от капитализма, так и от социализма. «Наша цель, — заявлял У. Чавес, — искать точку равновесия на основе формулы: столько государства — сколько необходимо и столько рынка — сколько возможно» (см. С. 53). Позднее был сделан выбор в пользу «социализма XXI века», контуры которого только намечаются.

Автор убежден, что пока Венесуэла не перешагнула порога, за которым начинается классический социализм, и не приступила к крупномасштабной лик-

видации частной собственности. Сами боливарианцы называют существующий в стране режим партисипативной и социальной демократией, некоторые исследователи используют термин «демократический цезаризм», при котором гармонично сочетаются демократия и автократия, а сердцевину власти составляют взаимоотношения между каудильо (вождем) и народными массами. По мнению сторонников подобной модели, социальный порядок, политическая стабильность, прогресс и экономическое процветание могут быть гарантированы только длительным пребыванием у власти влиятельной личности, осознающей нужды народа, устанавливающей мир при всеобщем согласии, личности, которую воля большинства ставит выше принципа сменяемости руководства (см. С. 62). Сам Э. Дабагян определяет существующий в Венесуэле режим как плебисцитарную демократию, при которой плебисцитарно-популистский характер наглядно выражается в применении демократических по форме механизмов для реализации авторитарных по сути методов правления (см. С. 133).

Большое внимание уделяется теоретическим истокам «социализма XXI века». Его очертания весьма аморфны и развиваются, по ходу дела, в стиле импровизации. В документах проправительственной Единой социалистической партии Венесуэлы (PSUV) ставится задача преодоления капитализма и строительства нового социалистического государства. Главным врагом боливарианской революции провозглашается капиталистический империализм, в первую очередь США и транснациональные монополии. К врагам причислены также верхушка католической церкви, буржуазия и группы, служащие социальной базой империализма. Для достижения намеченных целей на переходном этапе надлежит использовать демократические, электоральные, мирные и конституционные методы, которые впоследствии необходимо преодолеть (см. С. 80).

Еще одна особенность «социализма XXI века» — стремление вовлечь в осуществление проекта массы верующих. Несмотря на довольно напряженные от-

ношения с церковной иерархией, У. Чавес постоянно заявляет, что социализм и христианство могут идти рука об руку. Венесуэльский президент считает, что сталкиваются две концепции христианской веры: одной из них придерживается *Opus Dei*, другой — теология освобождения. Первая представляет собой доктрину угнетения, оправдывающую неравенство как божественный принцип; вторая признает священное право обездоленных на свободу и справедливость в гуманном мире (см. С. 184). На основе анализа взаимоотношений государства и церкви в монографии делается нетрадиционный вывод о стремлении президента вбить клин между «верхами» и «низами» верующих. Понимая, что церковь является одним из немногих институтов, пользующихся относительно высокой степенью доверия, У. Чавес опасается конкуренции с ее стороны, поскольку ни с кем не желает делить лидерство — ни с сообщниками, ни с соперниками (см. С. 187).

Ключевую роль в укреплении режима играет создание президентской вертикали. С этой целью, хотя и со второго раза, У. Чавесу удалось добиться права на неограниченное переизбрание, предоставления на 18 месяцев чрезвычайных полномочий, позволяющих править на основе президентских декретов и свести к минимуму принцип разделения властей. Вплоть до выборов 2010 года Национальная ассамблея была декоративным органом, одобряющим все предложения главы государства. В одну из основных опор режима превратились вооруженные силы. Хотя в Конституции и говорится, что это «сугубо профессиональный институт без политической окраски, стоящий на службе интересов нации, а не какой-либо отдельной личности или группы», на практике делается все для трансформации армии в некоторое подобие преторианской гвардии, обязанной защищать и отстаивать идеалы «социализма XXI века» (см. С. 116).

В концепцию президентской вертикали органично вписывается и создание авангардной Единой социалистической партии Венесуэлы. Президент подмял под себя и судебную власть. В структуре нарождающихся органов особое место отводится так называемым коммуна-

создаваемым по всей национальной территории и финансируемым непосредственно из центра. Коммуны обладают широкими полномочиями и обязаны содействовать укреплению социально-политических основ «социализма XXI века». Для идейного обрамления президентской вертикали проводится реформа системы образования, фактически свертывается университетская автономия и происходит идеологизация высших учебных заведений. Параллельно разворачивается наступление на независимые средства массовой информации. В конечном счете, отмечается в монографии, выстраивание вертикали обернулось укреплением личной власти. Правовое государство, где верховенствует закон, а не революционная целесообразность, фактически ликвидировано, отсутствует система сдержек и противовесов, налицо желание не только сохранить контроль над политическими институтами, но и распространить его на различные сектора общества (см. С. 131).

За рамками исследования автор преднамеренно оставляет внешнеполитические аспекты. В то же время он не мог не коснуться проблемы венесуэльско-кубинских отношений, поскольку именно Куба стала основным фактором, способствующим радикализации режима У. Чавеса. Еще в 1994 году Ф. Кастро пригласил выпущенного из тюрьмы руководителя неудавшегося военного переворота; неформальные отношения между двумя политическими лидерами переросли в теснейшую дружбу. В 2000-м между двумя странами был подписан договор о сотрудничестве. В 2004 году Куба и Венесуэла стали инициаторами создания «Боливарианской альтернативы для народов нашей Америки» (ALBA), позже переименованной в альянс, к которой со временем присоединились и другие леворадикальные режимы региона.

Отношения между двумя партнерами стали настолько тесными, что оппозиционная венесуэльская печать утверждала о планах создания единого государства, да и сам У. Чавес не исключал возможности образования конфедерации двух республик. Как показывают приводимые в монографии факты, кубинские консультанты гласно и негласно трудятся в ключевых венесуэльских министерствах и ведомствах,

включая в первую очередь силовые структуры. Именно под воздействием Кубы сняты ограничения на переизбрание президента и проводится кардинальная перестройка политической и экономической системы Венесуэлы (см. С. 197—198). В свою очередь поставки венесуэльской нефти обеспечивают функционирование кубинской экономики: только за 2005—2010 годы Венесуэла выделила Кубе свыше 34 миллиардов долларов (см. С. 200). В этот же контекст вписывается и курс на сближение Венесуэлы с Ираном.

Отношение к правящему режиму в Венесуэле далеко не однозначно. Основой популярности У. Чавеса являются его социальные программы. Как отмечается в монографии, нынешний глава государства, по существу, первым поставил на повестку дня проблему бедности и прилагает огромные усилия по ее преодолению. Благодаря комплексу мер в этой области он превратился в выразителя интересов обездоленных слоев населения, открыл им путь к трансформации во влиятельную силу, и в результате они стали главной опорой правительства, которое в известной степени стало их заложником (см. С. 145). В Венесуэле, в том числе в самых отдаленных районах, работает 20 тысяч кубинских врачей, свыше 3,8 миллиона граждан охвачено кампанией по ликвидации неграмотности, оказывается адресная помощь детям из малообеспеченных семей, численность студентов возросла на 400 тысяч и достигла 1,4 миллиона человек. Для малоимущих слоев организованы магазины с более низкими фиксированными ценам, созданы специальные кредитные учреждения.

Осуществляется целый ряд социальных программ (так называемых миссий) по оказанию помощи сельскохозяйственным производителям, снижению безработицы и созданию центров временной занятости; продвинулось решение острой жилищной проблемы. Тем не менее в целом, в отличие от последователей У. Чавеса, Э. Дабагян оценивает социальную политику негативно, ее изъяном, по большому счету, считается отсутствие системности и продуманности. Она во многом спонтанна, выглядит как цепь подачек незащищенным слоям, которые

делаются преимущественно в канун выборов и референдумов. Социальная политика эффективна — но неэффективна (см. С. 150).

Несколько глав монографии посвящено взаимоотношениям власти и оппозиции, приобретающим форму острейшего противостояния. Автор приходит к справедливому выводу об ошибочности неудавшейся попытки силового смещения У. Чавеса в апреле 2002 года. Не имел смысла и бойкот парламентских выборов в декабре 2005-го, в результате которого все места в Национальной ассамблее заняли сторонники власти. Скрупулезный анализ итогов всех 16 избирательных кампаний показывает, что происходит своего рода перетягивание каната. Но в то же время за прошедшие годы оппозиции удалось нарастить потенциал. На парламентских выборах 2010 года, несмотря на мощный административный ресурс, джерримандеринг (перенарезка избирательных округов) и крайне непропорциональное представительство депутатов, оппозиция получила 46,3 процента голосов и завоевала 40 процентов мандатов (65 из 165). При соблюдении пропорционального представительства разница составила бы лишь пять мест (см. С. 215).

События в Венесуэле развиваются быстрее, чем публикуются анализирующие их монографии. Уже после выхода рецензируемого исследования в центре внимания оказалось тяжелое заболевание, подорвавшее здоровье венесуэльского президента. Оппозиция смогла объединить свои усилия, провести первичные выборы и выдвинуть единого кандидата — динамичного сорокалетнего губернатора штата Миранда Энрике Каприлеса Радонского — на президентские выборы, намеченные на 7 октября 2012 года. Пока большинство соцопросов отдает предпочтение действующему президенту, однако в перспективе политический процесс в Венесуэле может сменить траекторию, либо в нынешнюю модель будут внесены существенные коррективы, что придает еще большую актуальность монографии Э. С. Дабагяна.

Ближайшее будущее Венесуэлы и судьба «социализма XXI века» зависят от совокупности целого ряда объективных и

субъективных факторов, однако ключевую роль, как упоминалось выше, играет активность первого лица. Неоднозначность и неординарность У. Чавеса как политического лидера отметил после личного знакомства цитируемый в работе всемирно известный колумбийский писатель Г. Гарсиа Маркес: «Внезапно я осознал, что с удовольствием побеседовал с двумя совершенно разными людьми. Одним, кому судьба дала возможность спасти свою страну, и другим — иллюзионистом, способным войти в историю деспотом» (С. 133). Пока история не дает ответа, какая из сторон венесуэльского политика в конечном счете возобладала.

Среди несомненных достоинств хотелось бы выделить не только собранный и обобщенный автором обширный фактический материал, но и сочетание академизма и глубины исследования с публицистическим стилем, делающим монографию доступной более широкому читателю. Бесспорный вклад в теорию политики вносят разработка типологии леворадикальных

режимов, определение плебисцитарной демократии, изучение специфики избирательной системы, авторская интерпретация популизма, анализ концепций «социализма XXI века» и т. д.

Критическая оценка Э. С. Дабагяном современного этапа экономического и политического развития Венесуэлы уже вызвала достаточно острые дискуссии в профессиональном сообществе. Согласие или несогласие с мнением маститого исследователя во многом зависит от политических убеждений читателя: основные дебаты разворачиваются между сторонниками справедливости и эффективности и между адептами авторитаризма и демократии. В подобной ситуации с отдельными излишне категоричными выводами можно и нужно спорить — ведь именно в спорах и рождается истина. В любом случае представляется очевидным, что без знакомства с рецензируемой монографией наше представление о Венесуэле будет либо неполным, либо недостаточно объективным. ◆